

Астафьев Виктор Жизнь прожить [stafevvictor.ru](http://astafevvictor.ru)
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Михаилу Александровичу Ульянову

Ванька с Танькой, точнее сказать, Иван Тихонович и Татьяна Финогеновна Заплатины, вечерами любили посидеть на скамейке возле своего дома. И хорошо у них это получалось, сидеть-то на скамейке-то, уютно получалось. И не то чтоб там прижалвшись друг к дружке иль взвявшись за руки и целуясь ? всем напоказ по новой культуре. Нет, сидят они, бывало, обыкновенно, в обыкновенное одетые, в чем вечер застал на дворе, в том и сидят: Иван Тихонович в телогрейке, в старом речном картузе, уже без золотоцветного знака. Картуз спекся на солнце, съежился от дождей, ветров и старости, и не надет он ? как бы в попыхах наброшен на все еще кудрявую голову, от кудрей непомерно большую, вроде капусты, не завязавшейся в вилок. Картуз с сереющим на месте отколупнувшейся кокарды пятнышком кажется смешным, вроде как у циркача, и своей мутнотостью оттеняет или обнажает смоль крупных кудрей, просвеченных ниточками седины, той августовской сквози, что на исходе месяца желто выдохнется из глубин леса, из падей ли на вислую ветку березы, завьет ее косичкой и грустно утихнет. "Люди! Люди! ? напоминает вроде бы желтым просверком береза. ? Осень скоро. Что же вы мчитесь куда-то? Пора бы и оглянуться, задуматься..." Татьяна Финогеновна не желала отставать от Ивана Тихоновича в кудрях, до последнего срока завивалась в районной парикмахерской, когда прихварывала ? своеуично на дому калеными коваными щипцами еще дореволюционного производства взбодряла кой-чего на голове, хотя, по правде сказать, взбодрять там уж нечего было, волос почти полностью был выношен под корень, и наново ему не было сил и времени взойти на полянине. Но и с редкими кударьками, в ситцевом платье, давным-давно вышедшем из моды, в тесном мундирчике с карманами, именуемом в деревнях жакетом, наброшенном на плечи синеньком платочек, в беленьких, вроде бы детских носочках, Татьяна Финогеновна все равно гляделась хорошо, главное ? приветливо. Жакет Татьяна Финогеновна завсе не надевала, уж ближе к осени, в холодную пору, так-то все в платьице, в носочках, и если нет платочка на плечах, уж непременно на шее что-нибудь да топорщится, чаще ? газовый лоскуток, серо-дымчатый, схваченный узелком сбоку шеи. Ивану Тихоновичу ближе к сердцу, конечно, синий платочек ? краса и память незабвенных лет войны, совсем почти отцветший платочек, с бордовой каемочкой по блеклому полю. Как увидит его Иван Тихонович ? стронется его сердце с места или в сердце сдвигается что-то в то место, где теплые слезы, ? вскипят они ни с того ни с сего, порой из-за совершеннейшего пустяка, из-за картинки в газете, или покажут по телевизору что военное, либо про разлуку запоют по радио ? и вот уж подмоет ретивое, затрясет его что осенний выветренный лист... Н-да, время! Не один он такой слезливый сделался. Не одного его мяла жизнь, валяла, утюжила, мочила и сушила. На что уж сосед его Семка-оторва ? семь раз в тюрьме побывал за разбой и драки ? так чуть чего, как баба, в истерику впадает, с рыданьем за голову хватается. "За что жисть погубил?" ? кричит. Ивана Тихоновича лихая сторона жизни миновала. И все у него в смысле биографии в полном порядке. Однако тоже есть чего вспомянуть, есть о чем попеть и поплакать. И старость он заслужил себе спокойную. Есть домишко, есть огород, палисадник с калиной и черемухой, аккуратные поленницы под крышей ? дрова из столярного цеха, струганые. "Я их еще покрасить хочу", ? смеется Иван Тихонович. Во дворе хоркают два поросенка, кухонька с варевом для них дымится, ну, стайки там, назем, парник, земля, трава, полы в дому, ведра с помоями, стирка, побелка, покраска, хлопоты, заботы и все прочее, как у всех жителей деревень. А вот накатывают на Ивана Тихоновича порой такая тоска, такое невыносимое томление и предчувствия нехорошие, хоть напейся. И напился бы, да нельзя. Все из-за Тани. Татьяны Финогеновны. Она толкается по хозяйству, помогает, хлопочет, и никогда он ее не видел с невымытыми руками, в том неденошеннем мужском пиджаке, к которому привыкли русские бабы по селам, да так и уродуют им свой вид по сию пору, когда тряпок дополнна, норовят не только бабы, но и молодые девахи ходить по улице, в магазин, на базар в тапочках тряпочных и в пиджаках. Однажды, смех сказать, в доме отдыха видел Иван Тихонович: на танцы явились две подвыпившие девы с накрашенными губами и давай бацать под крик Рымбаевой ? пыль столбом из-под стоптанных тапочек. Ближе к осени и осеню Иван Тихонович и Татьяна Финогеновна надевают вязанные из собачьей шерсти носки, галоши, давние-давние, но все еще глянцевито поблескивающие. Хозяин сидит на скамейке ножка на ножку, сложив их вроде ножниц и вытянув насколько позволяет не такая уж выразительная длина. Руки он отчего-то держал переплетенными на груди, вроде бы как грея пальцы под мышками, ? поза

скорей женская, чем мужская. У Татьяны же Финогеновны руки обычно в коленях, ладошка в ладошке, ноги широко расставлены, упористо, но не часто доводилось ей посидеть так вот, вольно, в свое удовольствие. Как бы нечаянно вцепившись в скамейку, опервшись на руки, сплененная болью и внутренним напряжением, будто беспомощный младенец пеленальником, ? вот как она последнее время сидела на скамейке: чаще стало ее схватывать. Иван Тихонович незаметно уговаривал супругу пойти в избу, прилечь, капель линуть. Она ему так же незаметно ? отпор: успею, мол, успею. "Ведь там лежать, в земле глубокой, и одноко, и темно..." Не знала этих стихов Татьяна Финогеновна, но думала примерно так же ? належится еще и капелек еще напьется и таблеток, они уж ей надоели, толку от них все равно никакого, и, пока еще возможно, лучше ей посидеть на свету, поглядеть на солнышко, на горы, на мимо проходящих людей, потому как она всегда была и есть к людям приветлива. Редкий вечер бывали Заплатины на скамейке одни. Все к ним кто нибудь да лепился, грелся возле них. И насмешливо щурила узкие глаза, совсем их в щелки топила от удовольствия общения с людьми Татьяна Финогеновна, рот ее широкой скобочкой, каковой имел бес, что "под кобылу подлез", ? рот этот, со складочками в углах, в смехе такой ли всегда подвижный, то и дело обнажал ряды казенных зубов, и, радуясь радости разлюбезной жены своей, Иван Тихонович и сам закатится, бывало, от своей ли, чужой ли шутки, закококает курочкой, нарощивающей яичко, и начнет валять голову по заплоту ? картуз наземь скатится, и, подняв его, бил он картуз о колено: ? Н-но, ты ч? это катаешься-то, парень? Куда это ты все катаешься... Татьяна Финогеновна стонет от смеха, вытирая слезы рукой: ? да ну тебя! Уморил, нечистый дух! Совсем уморил!.. Со смехом, с шуткой-прибауткой легче обмануть время. Ведь не просто так Иван Тихонович с Татьяной Финогеновной сидят на скамейке, с умыслом сидят ? ждут из недалекого города вечернюю электричку, вдруг с нею, с электричкой-то, приедет Клавочки, внучка их единственная. Они ее все время ждут, каждый день, каждый вечер. И хотя внучка очень занята, родители ее и того занятей, да случится нечаянная оказия: карантин в садике либо мамуля гриппом заболеет, ребенку при ней быть нельзя ? заразно; при них же, при дедушке с бабушкой, в самый раз, тут никогда и никакой заразы не бывает. Да здоровый человек у Клавочки мамуля. Очень. Редко привозят Клавочку в деревню. Мамуля у Клавочки завпроизводством треста ресторанов, считай что самоглавнейшего в городе предприятия. Мамуля вся в золоте, в седом герцогском парике времен короля Людовика Прекрасного, в платье сафари, не то треснувшем на заду от ресторанных харча, не то для фасону вспоротом. Татьяна Финогеновна, завидев невестку на деревенской улице, всегда пугливо замирала в себе, боясь, что у невестки что-нибудь принародно лопнет и обнажится. Ребенчишко-то, Клавочка, тоже разодета по всей моде по заграничной, по последнему крику ее, эхо которого, достигнув сибирских пределов, делается скорее похоже на хрип и обретает такие уж тона и формы, что те, кто породил моду в Европах, увидев, как тут, на наших необъятных просторах, все усовершенствовалось, махнули бы на свое ремесло рукой, убрали бы раскройные ножницы в сундук: ходите снова нагишом, люди, ? нагишом приличнее... Современно одетая семья, современно однодетная, утомленная городом, неторопливо шествует по деревенской улице с электричками таким порядком: впереди она ? глава семьи, устряпанная работой, надсаженная властью, земными благами и наслаждениями; за нею вприпрыжку, во французском берете с бомбушкой, в заграничных гольфиках, в кофточке с шелковым жабо, в желтеньких штанах с белыми лампасами, Клавочка, с забавной аппликацией-цыпушечкой, прилепленной на такое место, что бабушка с дедушкой при виде страшной непристойности, на какое-то время словно в параличе пребывают ? хорошо, хоть ребенчишко, Клавочка, ничего еще не понимает, сраму не приемлет, прыгает себе на одной ножке и не зрит, что охальная цыпушка все время в движении, клюет на ее писуле зернышки. Мамуля враждебно цедит сквозь зубы, покрытые итальянским лаком, чтоб не портились от жирной пищи: ? Ты у меня, гада, упади! Ты у меня, сикуха, ноги повреди! Я те повредю!.. Клавочка осенью пойдет в школу и вместе с самыми одаренными воспитанниками своего садика уже занимается в подготовительном классе местного хореографического училища. Ноги ее мамуле дороги, пожалуй что, дороже и нужней, чем сама дочь. Мамуля, когда выпьет, надсаженным от курева голосом аркает: ? Моя Клавка, когда вырастет, усех танцами превзойдет! А ту, как ее ? да биксу-то, что с балету, что народная артистка, видали мы таких народных! ? ту у гроб загонит!.. На почтительном отдалении от семьи тащится папуля и вторит: ? Клава, не упади! Доченька, осторожно! Зачем ты расстраиваешь мамулю? Ты нарочно, да? Нарочно?! Сын Заплатиных Петруша ? кудрявый в отца, в мать искроглазый, большегротый красавчик, без характера и без доходной должности. Он работает на конвейере или на контейнере ? мамуля никак не может запомнить. Зарабатывает он четыреста рэ в месяц, но все равно считается, его содержит баба, и он согласен с этим, как и с тем, что давно бы пропал и спился без нее. По мужицкой части и говорить не о чем, презрительно заверяет

невестка, и, должно быть, что-то и в самом деле неладно у Петруши ? с чего бы парню лебезить перед женою, терпеть хахалей, с которыми она, считай что, в открытую путается. Петруша прет две сумки в руках, прихватив еще бидон с городским питьем, настороженным на заморских травках. Деревня в горах стоит, вода здесь известковая, лишняя извесь вредна для костей, говорил мамуле на курорте какой-то знаменитый профессор. Травки эти дорогие и полезные нынче пьют все высокоумные и развитые люди. Правда, травки те заморские Петруша видывал на приенисейском покосе, да кто ему поверит? Нужен настой, значит, тащи ? для похудения жене, для эластичности кожи и для укрепления костей дочки. Еще Петруша локтем прижимает к груди собачку с блатной мордой. У собаки из-под челки мерцают глаза вылитого качинского урки. Живущая в современных апартаментах, спящая на отдельной тахте и вкушающая только сахар и птичий фарш со сливками, собака негодует на черный народ, от страха и наглости тявкает, облавивает всех встречных и поперечных в электричке, на улице, в городе и в деревне. Мамуля успокаивает собачку: ? Жозефиночка, не порти нервов, то же ж люди, они тебя не укусют, они друг другом питаются. ? И сразу с собачки на мужа, да так, чтоб родителям было слышно: ? Нарочно с машиной резину тянет!.. чтоб жену не увезли с машиной! Го-го-го! Та я же сама утягну хоть артиста, хоть енерала! Петруша втягивает голову в плечи и всего себя готов утянуть, куда-нибудь спрятаться от этого все сокрушающего хамства, уверенного в своем праве сминать на своем пути все, что к нему недружелюбно, что не соответствует его нраву и культурному уровню. Петруша еще издали отыскивает глазами мать с отцом на скамейке, ловит их взглядом и начинает им улыбаться приветливо и виновато: что, мол, сделать, вляпался, терплю, нюхаю, но сам я все тот же ваш Петруша, не испохабился, не предал дом и не очернил кровь вашу... ? Дедуля! Бабуля! ? обгоняя мать, звенит Клавочка. ? Здра-а-аст-уйте-э! Иван Тихонович при виде невестки начинает всплывать черной пеной, под картузом у него вроде бы дымится. "Явля-а-ается, выдра кабацкая! Осчастливила родителей, пас-с-куда!..." ? но, увидев летящую к нему Клавочку, теряет и зло, и всякий рассудок, бросается навстречу внучке, на ходу прихватывая куда-то укатывающийся картуз, и, сронив галошу, а то и обе, шлепает в носках по пыли иль по грязи навстречу мчащемуся, двоящемуся и троящемуся в глазах от враз накативших слез существу, ради которого Иван Тихонович терпит стерву невестку, размазню Петрушу, ради которого он умрет, если потребуется, снесет любую низость, поношение, казнь, совершил подвиг или ограбление местного магазина, смертоубийство, поджог и всякое другое бесчестье... Но Бог миловал его от крайних дел и поступков, ничего пока не надо подламывать, никого пока не требуется истреблять. И невестка, и Петруша пусть существуют ради того, чтоб внучка была на свете, который исключительно для нее, пожалуй что и создан. Дед несет в беремени от радости и щекотки визжащую девчушку, роется как бы шутливо, на самом же деле прячет вислый нос с катящимися по нему слезами в пышной тряпке под названием жабо, слышит руки, волосенки внучки, чует ее, пока еще маленькую, птичью теплоту, от которой совсем дуреет, задыхается, словно от печеного жара, придумывает и не может придумать самое лучшее слово: ? А тююшеньки-тюю! А люлюшеньки-люлю! А малюшеньки-малю... ? Деда, ты что болтаешь? Я уж большая! ? слышит Иван Тихонович и, отрезвляясь, опускает внучку наземь, ведет ее за руку и, не соглашаясь, твердит: ? Да какая же ты большая? Эко выдумала!.. Эко... ? Но надо во всем потрафлять баловнице, для этого же он ее ждал, встречал, не спорить же с нею, не для того же он столько терпел, все глаза проглядел, и, приостановившись, он озадаченно шарит в кудрях под картузом и, как бы только что ладом разглядев внучку, поражается вслух: ? И правда! И правда! Экая вымахала! Совсем девонькой стала! ? А хочется-то ему запротестовать, окликнуть: "Не торопись быть большой, не спеши, не надо! Побудь в детстве, в золотой поре!" да разве жизнь окликом остановишь? И он согласно и растерянно твердит, подводя внучку к бабушке: ? Ах ты девонька ты моя! "Девонька моя! Девонька моя!" ? не знает внучка, что так дед однажды назвал ее бабушку. И не было для нее никогда более ласкового, более потаенного, самого-самого, для нее только говоримого слова, со дна души взятого, из твердой раковины, как жемчужинка, выковырнутого. И сейчас, когда плохо бабушке, когда дед с нею отваживается, успокаивает ее, просит, молит ли ? не сразу и поймешь ? тем единственным словом: "Не покидай меня, девонька! Как я без тебя буду?.." Клавочка растет хорошо, развивается нормально. Чалдонского корню девчонка, дедовой и бабкиной закваски. Она делает вид, что боится матери, но слушается отца и жалеет его недетской уже, глубокой, бабьей жалостью. Клавочка любит деда и бабку, собаку Жозефиночку лупит чем попало, мажет ей нос горчицей. Один раз Клавочка уже приласкала мать туфлей, покамест мягкой, но строго предупредила: когда вырастет, будет бить ее поленом, и если она, пьянь, ничего не осознает ? уйдет жить с папой к бабушке и деду. ? Ой, бабуля! ? печально говорит Клавочка, увидев, как Татьяна Финогеновна вцепилась в скамейку, и глаза ее, напитые слезами любви и страдания, становятся

скорбно-дикими, что у колдуна. Беззвучный крик, немая в них жалоба. ? Ты опять болеешь, бабушка? Осторожно забравшись на колени, девчушка жмется щекой к бабушкиной щеке, шарит ручонкой по выношенному жакету и гладит, успокаивает, исцеляет. Бабушка, смертно сцепив руками тугое телишко внучки, тянет ее к себе, плотнее прижимает к груди и ничего-ничего не может ни выкрикнуть, ни сказать, даже пошевелиться, застонать, пожаловаться не может. И только глаза ее все тяжелеют и тяжелеют от горького бессилия. Зрачки застят влагою, и они, как солнышко в дождь, дробятся в текучем, переменчивом свету, укатываются за горы, за окоем земли, за живую синеву, в бесцветие, в беззрачие, в безвестность... И пока не подошли те двое, пока не омрачили сиянье вечера, не погубили счастье встречи, дедушка, глядя поверх суриком крашенного заплата на темные перевалы и что-то там, за ними, отмечая, может быть ему лишь, старому солдату, видимую небесную или какую другую твердь, жалуется внучке: ? Вот, девонька, вот, родная наша, поругай бабушку, пожури хорошенъче. Выдумывает вот... собралась нас покинуть... Татьяна Финогеновна умерла от застарелой болезни сердца глухой зимою, и я думал, что Иван Тихонович никогда больше не выйдет вечером за ворота на скамейку, да и самое скамейку скопает, уберет, изрубит на дрова. Но как пригрело, он появился за воротами все в том же картузе, в носках, вязанных еще самой, но уже не держал руки на груди с праздным вызовом, они болтались вроде как ненужные. Свяли, свалились в серое сырое перо знатные кудри Ивана Тихоновича, голова и ноги, бывшие как бы приставленными к коротышстой фигуре, издали напоминающей грушу дюшес, удлинились, брюшко и зад опали, обнажилась короткая шея в вялой коже, в бескровных жилах ? в укрытии потому что, без свету все это росло. ? Что сделаешь? ? вздохнул Иван Тихонович, когда я приехал из города, подсел к нему и, нащупав руку, прижал ее к плахе скамейки. ? Кто-то должен покинуть этот свет первым.. Лучше бы мне.. да жизни не прикажешь.. Однажды под настроение Иван Тихонович рассказал мне самое сокровенное: как женился на своей незабвенной Татьяне Финогеновне. И я поначалу хотел назвать рассказанную им нехитрую историю ? "Как Ванька на Таньке женился". да "заступил" Иван Тихонович за "тему", порушил мой план и бодрый, почти веселый заголовок. Рассказчик Иван Тихонович, как и многие мои земляки, путевый, и не буду я улучшать его повествование своим вмешательством. Пусть забудется человек, вспомнит о радостном, неповторимом, что было только в его жизни и не будет уже ни в какой другой, хотя порой нам кажется, что жизнь человека, в особенности простого, везде и всюду одинаковая. А если это и так, все равно давайте приостановимся ? мы уже так редко слушаем друг друга. Не вникая в жизнь ближнего своего, не разучимся ли мы чувствовать чужую радость, чужое горе, боль, и, глядишь, когда нам больно сделается, никто не поможет нам, не пожалеет, не услышит нас. И не утратим ли мы насовсем то, что зовется древним добрым словом ? сострадание? "Родом я нездешний. из села Изагаш. Нонче водохранилищем затоплено наше село. Стояло оно на приволье анисейском: заливы, мысы, бечовки, острова по реке ? Казачий, Кислый, на островах выпасы, покосы, ягод море, весной да началом лета зацветут, бывало, берега, особо острова, да чисто пироги рождественские, сдобные, зарумяненные, все в зажженных свечках ? по воде плывут, крошками даискрами в бырь сорят. От Анисея в небо горы уходят одна другой выше, одна другой краше. Речки вострием перевалы кроят, горы на ломти режут: Киржач, Малый Малтат, Большой Малтат, Снежный Ключ, Неженский залив, Дербино, Тюбиль, Погромная, дале Сисим, Убей ? обе речки бурные, всякой небылью-колдовством овеянные, рыбой хорошей знатные, пушным и рогатым зверем богатые. Села большие стояли по берегам: Ошарово, Дербино, Даурское, Усть-Погромное, Новоселово. Я рано осиротел и, как многие деревенские сироты, начинал свой трудовой путь с пастушества. Ну и насмотрелся на красоты наши местные, не знал, куда от них деваться, глаза бы мои на них не глядели! Осиrotел я очень даже просто и почти разом. Вскоре после голодного тридцать третьего года. Отец только-только за тридцать перевалил, мать и тридцати не достигла. Зимой отца на лесозаготовках давнуло. Насмерть. Весною мать тот лес, что отец заготовлял, сплавляла с сельской бригадой, всадила багор в матерое бревно ? ее в запань и сдернуло. Пока из воды вытащили, помяло работницу бревнами да простудилась к тому же. Недолго маялась. И остался я на десятом году один-одинешенек, и удумали меня сельсоветские благодетели в новоселовский детдом свезти, а тетка моя, крестная, л?лькой я ее звал, как зальется ручьем: "Не дам в приют парнишку! Вы чего затеяли, супостаты?!" Кричать-то кричала, проявляя патриотизм, но у самой четверо, и муж ее, Костинтин, ? недужный, подкосили его литовкой, и нога у него сделалась навыверт, вроде кочерги. Кость в ноге болела и гнила. Он, как и положено русскому мужику, боль и горе вином глушил и до того допился, что из колхозной шорницкой, где постегонками занимался, шилом-дратвой вел вперед наш колхоз под названием "Первенец", не вылезил, дневал там и ночевал, детей своих родимых, кого как зовут и какое у кого обличье, не помнил, потому как видел их только

исключительно по праздникам, и говорили про нас и про л?льку бойкие языки обидное: "Солдатским ребятишкам вся деревня ? отец!" Папуля Костинтин похочатывал да глазом подмаргивал людям, вроде как он и ни при чем тут, воистину солдат тот находчивый во всем виноват ? с походу возвращался, в Изагаш его занесло, у Сысолятиных лампа горела, вот и завернул служивый на огонек... Стали мы жить-поживать: пятеро ребят, бабка с дедкой, Костинтины родители, л?лькина сестра-перестарка но имени дарья, умом и красотой ушибленная, бельмом на глазу меченая. Худо, бедно, натужно и недружно жили, вразнопляс, как говорят по селам. Ничего нам не хватало: ни хлеба, ни картошечки, ни углов, ни печи, ни полатей, ни одежки, ни обувки, только клопов, тараканов да вшей вволю. л?лька старалась изо всех сил, тянула воз так, что кости в ей брякали, жилы скрипели, ? да где же бабе одной? Орава! Но нрав ее веселый, характер уживчивый, старанье и терпенье через все трудности, через недоеды и недосыпы помогали нам переваливать, пущай и с одышкой. Да эти-то старые-то хрычи сысолятинские, Костинтина родители, шибко отяжеляли воз, поедом ели ребятишек, меня да сестру л?лькину ? Дарью убогую, прямо сказать, со свету сживали, куском и углом походя корили. И вот стал я замечать за собой, что трусливый и подлый делаюсь: чуть чего ? улыбаюсь всем, на всякий случай, на сберкнижку, как теперь повелось, выслуживаться норовлю, где просят и не просят, чего тайком и съем ? пастушонку это просто, в поле он, и по дворам отламывается жратва. Стыд вспомнить, доносы на братьев и сестер учинял, те меня, конечно, лупить, дак я на убогую Дарью бочку катить примуся, поклепы и напраслину на нее возводил ? исподтился, однако, бы совсем, да л?лька спохватилась и из деревенского подпаска в колхозные пастухи меня на заемку в бригаду шуганула. Держит наотдель от дома и от стариков Сысолятиных, чтобы не получился из меня тюремный поднарник иль полномощная шестерка. Котел на заемке артельный, не шибко чего урвешь, народ делом занятой, сердитый, чуть чего ? ухо в горсть и на солнце сузиться подымет. Во школе я учился недолго и неважно. Костинтин из шорницкой наведался на праздники, охватила их с л?лькой энтузиазма, они стали на трудовую вахту да и пятого человека сработали, Борьку-дебила. Ну что он дебил, Борька-то, мы узнали после, а ковды маленький, хоть дебил, хоть кто ? орет, исти просит, пеленки марат ? и вся грамота его тут исчерпана. Водились мы с Борькой попеременке, кто когда свободен от работы. И правду говорят, что у семи нянек дитя без глазу, у нас, считай что, боле семи по штатному-то расписанию: пятеро ребят, шеста ? Дарья, седьмой ? стариk Сысолятин, восьма ? Сысолятиха, девята ? л?лька, ну, эта для всех и нянька и генерал. Старуха Сысолятина с детьми не водилась, не любила их, и дети ее не любили. Боялись. Шоптоницей звали, хотя она характером была сварлива, голосу громкого, везде и всюду лезла с похабными пооказульками да жуткими заговорами. Била она нас походя и чем попало. Да к битью деревенской братве не привыкат ? битьем ее не запугаешь, но вот шоптаньем, колдовством... И знали и понимали, что спектакль показывает наша бабушка, понарошке ужаст на нас насыляет, но вот боялись в баню с ней ходить, спать на пече вместе и оставаться наедине с нею в избе, особо когда свету нет. И не зря боялись. Шоптоница-то и устроила нам смех и грех. Звала она Борьку с подковыром ? семибатешный сынок, и порешила умом своим крючковатым помочь семье ? свести семибатешного со свету, да так, чтоб Бога не прогневить и нас умилостивить. л?лька уж больно к детям приветная, последнего, Борьку-то, ровно чуя беду, всех шибчей жалела. Напоила Шоптоница Борьку наговорным зельем, сущеного икотника-травы натрусила, каменю зеленого, на плесневелый хлеб похожего, наскоблила ? с Тибету камень алатырь странник принес, пудовку крупы на него у Сысолятихи выменял, для отравы крыс, для отворота присух от дому тот камень предназначался. Борьке ни Тибет, ни Расея нипочем. Пофоркал неделю в пеленки, снова, лыбится, руки к нам тянет, бу-бу-бу-бу... Шоптоница в панику: "Нечистый, говорит, в ем поселился, бес многородной, лягушачий, не иначе..." Потом в сомненье впала, л?льку на допрос: "Признавайся, кто поработал? Может, активист заезжий? Тоды и наговор и отрава обезврежены ? партеец-краснокнижник никаким чарам не подвластный и божья кара на него не распространяцца..." Пошумела, погремела наша Шоптоница и притихла. Когда шумела, гремела и лаялась бабушка ? мы ничего, но как замолкла, затаилась ? жди черной немочи. И дождались! Наметила Шоптоница Борьке кару еще гибельней: носила его в баню, парила веником и макала распаренного дитя в ледяную воду: За этим делом застала ее Дарья убогая, вырвала ребенка из рук и с ревом домой. Всей семьей мы за Борькину жизнь бились: лучший кусок ему, самое теплое место на пече ? ему, самую большую ложку за столом, первую ягодку в лесу, перво яичко от курочки, перво молочко от коровки, первую одежду, первую обувку ? все ему, ему. Да не понадобилась обувка Борьке. Обезножел он от ваннов. На всю жизнь. Навсегда. Но спасенье его, борьба за Борькино здоровье, заботы об ем как-то незаметно сплотили наши ряды, всю из нас скверну выжали, всю нашу мелочность и злость обесценили, силы наши удвоили. И порешили мы отсоединиться от Сысолятиных.

Разгородили избу пополам и зажили по присловью: в тесноте, да не в обиде. Я приладился осенями и зимой птицу и зайцев петлями ловить. Во время пастьбы скота грибов нащу, ягод. Как артельно-то навалимся на какое дело? возом везем, что продадим на пароходы, что сами едим да малого Борьку балуем? любо-дорого, с песней, без злости валим по жизни. Бывало, зимним вечером засядут девки прясть? а у нас всех и поровну все: трое девок, трое парней? убогая дарья хоть и с бельмом на оке, но песьельница-а-а! Однако самая голосистая все ж была л?лька. И вот: теребят малые перо, постарше? прядут куделю или шерсть, половики ткнут или чего вяжут. Парни обутки чинят, стружат топорища там, навильники, лопату? снег ограбить, ложку поварешку. л?лька ка-ак даст: "Темная ночь, выюга злится, на сердце тоска и печаль, лег бы я спать, да не спится, и мысли уносятся вдаль..." И посейчас вспомяну, дак мураши по коже!.. Те, за стеной-то, не выдержат нашей песни, согласясь нашего, им любое сообщество? нож в горло, вот какие люди были? примутся дрова рубить. В избе! Где это слыхано? Где видано?! А то в стену забараивают. Кулаком. Аж клопы валются, тараканы врассыпную. Игнашка? старший л?лькин сын, у него уж усы-борода очернились под носом и на подбородке, хотенчик-прыщ выступил рясной брусицей, он у нас уж за мужика, раз тятя в шорницкой вверх ногами лежит, ? солидно так, по-мужински: "А подь вы к тете-матере!.." л?лька ему: "Нельзя так, Игнаша. Нельзя. Какие-никакие? они тебе дедушка-бабушка..." "Имя малтатский волк внук!" ? отрежет, бывало, Игнаша. Убили его. В первый же день войны убили. Он на действительной служил и в бой вступил на самой границе... Вот и приблизился я к тому рубежу, который ни в какой российской судьбе, ни в какой беседе русскому человеку не миновать, ? к войне. Хребет это нашей жизни, и что за тем хребтом высоким, далеким, гробовым? глазом не объять, разве что мыслей одной горькой, да и то в одиночку,очной порой, когда раны болят и не спится, когда темь и тишь ночная кругом, душа ноет, ноет, память где-то выше дома, выше лесов, выше гор витает, тычется, тычется и, куда ни ткнется, ? везде больно... Нет моря без воды, войны без крови. Враз ополовинила война народ и нашу семью. Братья мои сродные? мешки заплечь и в поход, сестры? в поле, я? на воду, лес стране плавить. Даже убогая наша дарья на колхозную ферму в доярки пошла. л?лька, та в бригады в полеводские назначена была вместо Колмогорова Капитона, партейца изагашинского и бойца запаса. Один Борька дома. Елозит по полу, по двору да по огороду, волочит за собой так и не отросшие детские ноги, в штанину от ватных спецодежных брюк обе-две засунутые, и тоже чего-то мерекает, норовит помочь по дому, печку затопит, скотину напоит, когда и сварит чего, иной раз два раза посолит похлебку, иной раз ни разу, иной раз помоет и очистит картоху, иной раз грязную свалит, в одно посудину, скотскую. Мы уж не ругаем его, хвалим. Сияет, дурачок, радуется и понимает ли, скорее чувствует, какую-то неладность, беду в жизни. В сорок втором осенью был призван на позиции двадцать четвертый год. Перед тем как мне уплыть на сборный пункт в Даурск, л?лька маленько застолье собрала, чтоб все как у путных людей... О-ох и человек была наша л?лька! Ей бы в тот приют, которым меня вечно Сысолятинцы страшали, воспитателем бы. Ну да она и тут сто лько успела добра людям сделать, что ее до се помнят наши, изагашинские, хоть и разбрелись они по белу свету. Собрали компанию, даже старики из-за стенки пришли, и папа наш Константин пожаловал, все в чистых рубахах. Шопtonica в праздничном платье с каемкой, как всегда, с прибаутками: "утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сережках, корова в рогоже, а я, сталить, всех дороже!" у л?льки была дочь Лилька. Я и не заметил, когда она выросла. И вот Лилька эта пристает и пристает ко мне: кого из девок позвать да кого из девок позвать? Зови, говорю, кого хочешь? какие мне девки и какое мне до них дело? "Нет, персонально кого?" ? не отстает сеструха-воструха. Я и бухни ей: "Таньку Уфимцеву". Она во школе меня все шиньгала за партой: "Не подвигайся ко мне. Не списывай. Не сопи. Не спи. Не дергайся. Не молчи. Не говори. Поперд батьки в пекло не сувайся!.." И что ты думаешь? Явилась Танька! В нарядном платьице, в белых носочках, в синей косыничке. Тогда, в сорок втором-то, народ в Сибири еще не успел совсем оголодать и обноситься. Это уж потом. Страшно и вспомянуть, что было потом. Да-а, явилась Танька, Татьяна Уфимцева, и все что-то шопчется с моей сеструхой-вострухой, шопчется да прыскает, а глазами в меня нет-нет да и стрельнет. Глаза у ей зоркие-зоркие, от озорства или еще от чего посверкивают, и узкие, глаза-то, имя все видно, а ч? в их? поди угадай! Попели, как водится, поплясали, поплакали. Я с сеструхой вострухой и с Татьяной на берег Анисея провожаться пошел, вроде бы как кавалер. У самого сзади на штанах заплатки. Правда, еще при кудрях и одна кудря стоит рубля, а друга? тысячу! Главный это мой козырь? кудрява голова, да и та до завтрева, в Даурске забреют. Но покуль? кавалер! А раз кавалер? соответствуй! Никаких я девок никуда еще не провожал, ни с одной не знался и хоть догадываюсь, что делать надо, глаза-то имею, видел, ч? к чему? Игнаха на моих глазах женихался, ? догадываюсь, да не смею. Даже под

ручку взять ухажорку боюся. Тут сеструха-воструха хлопнула себя по ляжке и говорит: "Чисто комары засели!" ? и покуль я соображал ? какие комары в октябре? ? она от нас хвать в гору и была такова! Мамочки мои! Последний стражник сбег! Один на один я с девкой остался, и она одна на одну со мною. Ей, может, и привычно ? женщины уфимцевского рода все какие-то занозисты, просмешливы, егозисты, на язык и на все другое боевиты: хоть на работу, хоть на учебу, хоть на любовь ? ни одна, сказывала Сысолятиха-Шоттоница, цельной замуж не выходила, в седьмом или осьмом колене брюхатеют до замужества... Этот факт мне вспомнился, растревожил меня и ободрил, и, когда Танька, поигрывая глазами в щелочках, поинтересовалась: "Ну, что мы будем делать?" ? я зажмурился да как ахну: "А целоваться!" Она мне: "Ишь ты какой ловкий! Сразу и целоваться! Ты сперва обращеню научись..." ? "Некогда, говорю, обращеню учиться. Утресь отправка". Опустила Танька глаза в берег, потом присела, коленки подолом задернула, зачем-то ладошкой воду погладила, вздохнула: ? Холодный какой Анисей сделался. Еще недавно купались... Сидим. Молчим. Нехорошо так на сердце, грустно и печально. И говорит мне Татьяна, как большая, взрослая женщина: ? Ладно, Вань, не серчай. Когда вернешься с войны, тогда и поцелуемся... И пошла в гору по травянистому косолобку, перед утром инеем, как лудой, вылудевшему. Напрямки пошла, без дороги. След темный, прямой, белы носочки намокли, скомкались, на сандали скатились, косыничка голуба на плечи спала, волосья и косичка от росы блестят. "Холодно же! Мокро!.. ? хотел я закричать. ? Дорогой иди, по взвозу!.." ? да не закричал, духу не хватило, горло сжало, глаза застить начало, будто кино в клубе от худого напряжения зарябило и в кино том замелькала, заметусилась девушка в нарядном платье, да и ушла от меня в дальнюю даль... Вот какое оно, мое первое, молодое свиданье, было ? раневу грамотея-внутика это дело называет. На войне был я на главнечущем фронте, на Первом Украинском, в двадцать седьмой армии, в отдельной минометной роте, приданной гвардейскому пехотному полку, влитому в двадцать седьмую армию после сражения под Курском и форсирования днепра. Поначалу, как водится, я был нерасторопен, мало что соображал и умел, войны по молодой глупости боялся меньше, чем потом, когда набрался опыта и понял, что к чему. А пока набрался ума-опыта, в госпитале повалялся с ранением, покуль без повреждения кости. До ранения до первого, можно сказать, боец я был никакой, мышка в земляной норке: щелкнут по носу ? я нырк в себя и притаился. Люди всякие тоже попадались, как бойцы, так и командиры. Это в кино да в постановках все храбры да умники. А были и такие, что отца-мать заложат. И просто дураки. Так вот, бывало, кто какую дурь порет, а я во всю рожу рот пялю, будто брехня его мне в удовольствие. Кровь меня образумила. Кровь и работа. У минометчиков знаешь сколько работы? Столько же, сколь у деревенской клячи, только ей сено дают, а минометчик одно лишь и слышит: то не так и не там окопался, то не туда вдарил, то не свою кашу съел, то не туда по нужде сел. Но раз я взялся рассказывать тебе про женитьбу, про женитьбу и поведаю, про войну нам говорить не переговорить. Тут не на одну ночь хватит, да и дня прихватим. Скажу лишь, что только там, на войне, в минометном расчете, почувствовал я себя человеком. Равноправным. Да и то не вмак костью и характером окреп, боевую кровью повязанную родню обрел и сообщу где угодно: последним в бою не был, робел, конечно, но, как все, в меру. И получил ордена боевой Звезды, Отечественной войны второй степени, медали "За отвагу" и "За победу над Германией". Смертей видел ? что хвои в лесу, слез ? озеро, горя ? реки, крови ? море, но и поверженного, в кювете, без портк валяющегося, червями до оскала объеденного фашиста зрел. И не стерплю, похвастаюсь: один раз командующего фронтом, маршала Конева, видел. Издаля, правда. А вот командующего армией ? как тебя сейчас. Ей-богу, не вру! Ты говоришь, командующего вблизи не видел, а я двоих видал, стало быть, я везучей тебя!.. Было это уж, считай что, в Прикарпатье, близ Западной Украины. Весной было. Ранней. Карусель содеялась такая, что ничего не поймешь: то немцы у нас в окружении, то мы у них, то и немцы и мы в окружении, в чьем ? одному Богу известно. Взяли один древний городок. Сдали. Опять что-то взяли, его же вроде, только уж ночью. Не узнать городишко. Побит, искрошен, весь в дыму. Опять нас в поле боя вытеснили, в село иль местечко какое. Мины на исходе. Патронов по счету. Голова кругом. А тут метель! Ми-и-ила-а-ай! Скажу кому ? не поверят. В апреле на Украине трава зелена, цветки по солнцепеку пошли ? и метель! да что метель! Светопреставленье! Видно, и впрямь люди Бога прогневили. Хаты до застreich занесло. С ног валит. А мы бьемся. Немец технику всю в сугробах кинул и на нас толпою. Дело дошло до того, что рубили его на огневых позициях лопатами, топорами. Я как сейчас помню: небо прояснило, на минуты прояснило, клок появился, солнце как очумелое откуль-то в дыру вырвалось, или уж опять же Всевышний его высвобонил ? полюбуйтесь, дескать, чады Мои или исчадья, что творите! А весь косогор по спуску к Оринину ? вот и местечка название вспомнилось! ? весь он будто в черной осетровой икре. В черное-то, по снегу белу

плывущему, в упор, прямой наводкой лупят и малые и большие калибры. Гаубицы-полупорасотки как жахнут осколочным ? в черном дыра. Брызги вверх, клочья, лохмотья. И тут же дыра, будто воронка на бурной весенней реке, в пороге, закружится, завьется и сором заполнится. Людским сором! О Господи! Я по сю пору как во сне это увижу, так и проснусь. А попервости вскакивал и орал. Один раз на пече спал, как подброшусь да как башкой об потолок треснусь ? огонь из глаз! Вот ты не смеешься, потому что на своей шкуре все такое испытал. А внучка моя да и какой иной молодняк ? станешь рассказывать ? ржут. Имя это все вроде как комедия. Не приведи Господи никому такой комедии! Я, покуль внучки не было, как-то не так все об мире и войне переживал. А теперь вот газету скрozy прошерстю, радио послушаю, от телевизора не отрываюсь, когда про международную обстановку говорят, ? и одна у меня дума; неужто опять? Неужто детей побьют да обездолят, и мою Клавочку тоже?.. Да-а, а немец-то тогда, что ты думаешь? Прошел! Частично, конечно, потрепанный, битый, но прошел. У нас, считай что, нечем его стало бить и некем. Устали мы, обессилели. Упорный вояка немец, ох какой упорный! Шел фашист по руслу речки, что рассекала Оринин пополам. Летом, должно быть, тут сухой лог, но вот по весне речка вскипела. Шел слепой толпой, не выбирая пути, где бродом встречь воде, где обочиной, где по отвесным каменьям. Молчком шел, без выстрела, и кто падал, того уж не подымали, даже не обертывались. Мы по-над речкой лежим, считай что, с пустыми автоматами и винтовками. До врага рукой подать. А он идет и идет. Иного вояку в речку уронит, водой катит. Он за каменья хватается, за кусты, но на помощь не зовет. И вот всякой страсти я натерпелся, страху-ужасти, с ума сойти, сколько испытал ? не дай Бог никому, но той речки, того местечка Оринина вовек не забуду. Сказывали, что середь немцев сумасшедших потом многое оказалось, да и я, скажу промеж нами, уж опытный боец, а чуть умом не сдвинулся. Это тебе, парень, не кино, не постановка, это война, битва смертельная... Назавтра после боя, когда враз все затаило и поплыло, обозначилось такое количество убитых, что и не счастье. Как дрова, лежат люди, только в поленница не сложенные, друг на дружке. Вот назавтра-то после боя командующий Четвертой танковой армией товарищ Лелюшенко ездил по частям. Двадцать седьмая армия в те поры вроде бы на Втором Украинском фронте двигалась, а нашу минометную часть, стало быть, товарищу Лелюшенке передали. Хорошо он вел себя, сказывали бойцы ? солдат, он все про все знает, ? будто бы самолет "кукурузник" стоял наготове, но командующий им не воспользовался, а вот роту охраны и танки из своего личного сбережения в крутой момент кинул в бой, потому как в школе в орининской был госпиталь и лежало там множество тысяч раненых, да и вообще штабов, тыловых частей что-то многовато в Оринине оказалось, как и кто их оборонит? Что тут правда, что тут брехня, на которую солдаты горазды не меньше бабки Сысолятихи, я тебе сказать не могу, но видел потом убитого в поле капитана ? вся грудь в орденах, будто бы командир роты охраны командующего, и танки наши новы, тяжелы ? тоже видел, четыре штуки ? стояли без горючего и без снарядов. Из хаты мы, помню, выскочили, выстроились. Командующий в "виллисе", за ним бронетранспортер, машины. Смотрит на нас генерал товарищ Лелюшенко и молчит. Да и что говорить-то? Смена обмундирования зимнего на летнее первого мая. Бой произошел в середине апреля, к этой поре от земляной работы, от окопов, минометов и ящиков с минами до того обносишься, изорвешься... А тут вон какая весна! Грязь, бездорожица и еще эта погибель ? метель-то... Смотрит на нас товарищ генерал, головой качает, и никаких речей ни он, ни люди в кожанах, его сопровождающие, не трятят. Спросил командующий, как с харчишками, с куревом. Мы плечами пожимаем ? известно как: на бабушкином аттестате. ? Скоро все будет. Скоро еду, курево, новое обмундирование подвезут. К празднику, ? заверил генерал. ? Даже водочки маленько выдадут. Выпьете в честь нашей победы. Соседи наши на Втором Украинском государственную границу перешли, и мы с ей рядом. И за это вам спасибо! Кухня будет, обещаю. Отстала кухня. Тут кто-то из генеральского окружения пошутил: кухня, да санчасть, да военная лавка ? оне, мол, отвеку наступают сзаду, отступают спереду. Наш один минометчик-грамотей в поддержку на свой лад "Теркина" вспомнил: "Пушки задом едут к бою, самовары вверх трубой!" Генерал устало так, накоротке улыбнулся: ? Раз шутите, значит, дальше будем воевать. Только у меня просьба к вам большая, товарищи. Понимаю, устали, но помогите населению убрать и похоронить трупы. Много убитых. Весна. Тепло. Грязь. Крысы. Эпидемии не было бы. И, пожалуйста, без глумления над трупами. Хоть они и фашисты. Пожалуйста... На исходе лета звякнуло меня еще, на этот раз в кость, и прокантовался я в госпитале осень и почти всю зиму, наших с самоварами догнал уж под Кенигсбергом. От Кенигсберга мы пошли на Берлин, но не достигли его. В пути нас застала победа. И только мы постреляли в воздух, погуляли, мне документы в зубы ? и домой. Одного из части демобилизовали. Что, думаю, такое? И какой у меня дом? Где он у меня? Письма мне приходили редко. Из Изагаша писала Лилька, ну та самая сеструха-воструха. А что в деревенском

письме? Поклоны от родных да знакомых, в конце: "живем, не помирам, чего и вам желам!" Ну, еще насчет победы ? ждем, мол, со скорой победой, живым и здоровым. Среди поклонов я особо выделял глазом привет от Татьяны Уфимцевой. Понимаю, что сеструха его сама присобачивала, может, и не спросяясь, а все приятно. Один раз я взял да и поздравил Татьяну с седьмым ноября. Добыл открытку-письмо с красноармейцем на наружной корке, красивым таким, чернобровым, в казацкой папахе и со знаменем в руке, на нас, окопных вояк, и отдаленно не похожим, но для письма девушке самым подходящим. Так и так, накорябал я, поздравляю землячку и труженицу тыла с праздником Великой революции и желаю доброго здоровья! Всем Уфимцевым также кланяюсь и шлю боевой привет с фронта! В ответ мне: "Спасибо за поздравление, дорогой воин Иван Тихонович! Мы также желаем вам крепкого здоровья и победы над врагом социализма". Меня это письмо в прах расшибло. Зачем же так-то? Я к ней всей душой, с намеком, а она, как в газетке про социализм ? "мы", "вам", "дорогой воин"! Озлился я и не пишу боле. Все! Вырвав из сердца. Вырвав оно, конечно, вырваво, да как отоспался в госпитале, да и после госпиталя, ближе к победной весне, глаза закрою ? и вот оно: по взвозу, белому от инея, девушка по траве идет, за нею след зеленый вьется, волосья в росе, косыничка на косе ? вспомню и не могу. Разорвал бы я то кино! На клочки! Но лучше б по следу кинулся по зеленому, да остановил бы кино-то, да вынул бы с экрана девушку... Словом, парень, влюбился, что рожей в сажу влепился! Одно слово ? молодость! Берет она свое даже на войне, в преисподней той земной, на краю гибели, и требует соответствовать назначению твоему муштынскому. Получил я, стало быть, документы и к командиру батареи: что, говорю, делать, товарищ капитан? У меня ведь фактически и дома-то нет. Мне ведь фактически и ехать некуда и не к кому. Может, мне на производстве каком осесть, профессии обучиться и вместе с остальным народом начать подъем разрушенного хозяйства? Я тогда горючку клятую еще мало пил, считай что, и не пил совсем. Капитан это знал и не поощрял в пагубном деле молодняк. Но тут налил мне товарищ капитан почти полную кружку малированную, брякнулись мы кружками безо всякого чиноразделения, по-братьски брякнулись, он и говорит: ? Есть у тебя дом! Есть! И есть тебе к кому ехать. Есть что поднимать, есть кого любить и оплакивать... Тут он лицо стиснул так вот, обоими кулаками, зубами навроде как скрыпнул. Ну, думаю, разволновался товарищ капитан, развезло его, а ему вредно волноваться, он ранен не единожды и крепко контужен на реке Серет. Обнялись мы с моим родным командиром, я всплакнул, да и он навроде как на мокрое место сдвинулся, и только потом, в долгом пути, на обратной дороге раздумался я и растревожился, поминая прощание с комбатом, ? чем, думаю, такое его поведение вызвано и почему меня не со всем народом демобилизовали? Тревога меня охватила. И нетерпенье. Всякие мои мысли: задержаться на Украине или в Москве ? поступить на работу и обучиться профессии, по секрету скажу ? очень мне хотелось работать на метро машинистом, даc вот всякие такие мысли иссякли, и я скорей, скорей в Изагаш. А какое тогда скорей ? сам знаешь. Экспрессов не было, самолеты пассажирские только маршалов да ихних адъютантов возили. Пароходы через всю Россию и через Урал не ходят... Но долго ли, коротко ли, все ж таки добрался я до Красноярска и на пристань бегом. Цап-царап ? пароходики вверх не ходят. Грузовые суда с вешним завозом разбрелись по притокам Анисея. Рейсовый "Энгельс" ушлепал в Абакан и будет через неделю, не раньше. "Улуг-Хем" шел спецрейсом на Туву, и слух был, что на мель сел или в порогах пробил себе брюхо. Может, снарядят в рейс "Марию Ульянову", но это в том случае, если ледоходом ее в низовьях не затрет и она благополучно возвратится из Дудинки. Что делать? Где мне транспорт раздобыть? Я на мелькомбинат, на катер какой-нибудь, думаю, попаду, хоть до Знаменского скита иль до Бирюсы доберуся, а там, считай что, половину-то пути и пехом одолею. И ведь, как нарочно, как на грех, у мелькомбината тоже ни катера, ни лодки, ни корыта даже. Ах, ты елки-палки! Вот она, родина моя, близенько, за горами, вот он, Изагаш, всего лишь в ста двадцати верстах, после тех расстояний, что я покрыл, ? рукой подать!.. А-а, была не была! Войну прошел. Рассею почти всю минул, до Берлина, считай что, дотопал, да еще с плитой с минометной на горбу, а тут какие-то версты! И хватанул я, паря, через горы и перевалы. Ох, хватанул! Налегке. Спал не спал, ел не ел ? худо помню. Сперва бежал, считай что, потом шел, потом уж почти полз. И один только факт за весь мой путь тот в памяти задержался ? это я Бирюсы достиг. Устья. В село мне переплыть не с кем. На скалу забрался. Ору ? не слышат. Глядь вниз ? там избенка курится. Земляная. Подле нее поле не поле, огород не огород, и лес по-чудному растет, вроде как посажен фигурами какими. Пригляделся ? слово обозначает. Да еще какое! Блазнится, думаю. Довоевался. Устал. В пути спал как попало. Последние сутки перед Красноярском и вовсе из-за нервности, считай что, не спал. Моргаю. Смотрю, читаю ? все выходит имя великого нашего вождя, вот что выходит, брат ты мой. ..Дезертир, паря, там, в избушке-то, оказался. Самый настоящий дезертир. Я об них слышал, но воочию зреТЬ не

доводилось. Это он, рожа, всю войну прокантовался в здешних горах и лесах. Вдовушек бирюсинских навещал, они его, и ушлым манером шкуру спасал, посадкой своей патриотизму выказывал. Тогда это имя испугом действовало на иных граждан, в почтенье и трепет их вбивало. Но я какой усталый ни был, веришь ? нет, ушел из избушки. "Па-а-а-адлюка ты! ? сказал я ему. ? Мы за родину кровь проливали... убил бы я тебя, да нечем". И вот ведь за буханку хлеба, за горсть колосьев бабу иль фэзэушника бывало... а этот дожил до амнистии, помер своей смертью. Однако ближе к делу. К Изагашу, стало быть. Попал я в его середь бела дня. Теплой летней порой. Ворота настежь. Двери ссыолятинского дома открыты. У меня и сердце занялось. Ни шевельнуться, ни двинуться мне. Но осилился, иду. Тихонько в дом вошел. Спиной ко мне л?лька стоит, зеленый лук в окрошку крошит на столе. Исхудала л?лька, будто девчонка сделалась. Хотел я на косяк обпереться ? ноги не держат. Сполз на порожек, еще нами, ребятишками, истюканный. Здравствуй, говорю, л?лька! Она ножик уронила, обернулась... но уже не л?лькою, а Лилькою обернулась, постояла, постояла да как бросится ко мне. "Братка! ? кричит. ? Братка ты мой родимой!.." Сцепились мы с ней, плачем, целуемся, снова плачем, снова целуемся. Тут по двору скрып раздался, и кто-то на тележке в дом катит. Да это ж Борька! Борька наш, уже мужик! И тоже плачет. Руки ко мне тянет: "Бага! Бага!" ? братка, значит, братка. Упал я перед им на колени, ловлю, промазываю. Тогда он меня сам поймал, прижал к себе ? ручиши крепкие! Тут уж я ничего не помню, тут уж я, усталый с дороги, ревом зашелся. Верь не верь ? пуще бабы ревел. Вся родня сбежалась. Убогая дарья тоже прибежала, плачет ? заливаются, к сердцу жмет, губами морду муслит. Она приняла к себе раненого инвалида без ног еще в сорок втором. Родила от него уж двух grenadierов. Живет своим домом и семьей. Ломит. Свой дом тянет да еще и нашим помогает. Все это успела мне сообщить Лилька. ? Боренька наш, ? прибавила она, ? печки выучился класть, на всю округу спец. Возят его по колхозам, глину, кирпич подают, он и кладет пусть немудрящие печки, но сноровисто так. Ссыолятин-старик зимусь помер. Сама Ссыолятиха на пече лежит, парализованная. Папуля наш Костинтин живой, когда к нам наведается, когда к маме, когда куда ? где выпивка. Тут бряканье об бревна кружкою началось ? так бабушка наша за стеной веху давала молодежи, когда ей помочь нужна либо совет. "Ванька! ? кричит бабушка Ссыолятиха. ? Ты пошто обнять меня не идешь? Я те родня аль не родня?!" Бросился я к бабушке, сдернул ее с печи, закутал в одеялишко и, чисто ребенка, на руках в нашу половину перенес. Все хорошо. Все в сборе. Про всех известено, про всех рассказано. ? л?льки-то пошто нету? На ферме она? Иль уехала куда? И тут все в избе смолкли, все глаза опустили, не смотрят на меня. ? ч? вы? ? спрашиваю. ? Где л?лька-то? Не пужайте меня... ? Нету л?льки твоей... Нету мамки нашей, ? тихо так молвила сеструха. И все бедствия, все горе горькое нашей семьи тогда я и узнал, и отчего капитан наш, командир батареи, горюился и зубами скрыпал, известно мне сделалось только теперь. л?лька погибла еще в сорок третьем году. Весной. Взял ее опять же, как почти и всю нашу родову, дорогой Анисеюшко. Красив он, могуч и славен, да вода в ем для нас немилостлива. Уже в ростепель ездила л?лька по вызову в районный военкомат, и попутно ей был наказ: выбить в райсельхозуправлении дополнительную ссуду семян. Изагашинский колхоз "Первенец" осенью припахал клин залежной земли и брал на себя обязательство дать фронту дополнительный хлеб. В военкомате л?льке ничего радостного сказать не могли, да в ту пору и не вызывали в военкомат за радостями. Вроде как второй сын л?льки, Серега, тяжко ранен и контужен, лежит в приволжском госпитале, установить его личность не представляется возможным ? нет при нем никаких документов. Из слов он помнит только: мама, Анисей, Изагаш. Из госпиталя запрос и карточка ? на опознание. И кому, как не матери, опознавать сына? Видать, не сразу и не вдруг опознала л?лька сына Серегу на карточке или долго ссуду выхлопатывала в руководящих кабинетах ? и подзадержалась на несколько дней в районе. Тем временем произошла подвижка льда на Анисее. Произошла и произошла ? с ним, с батюшкой, всякое бывает. Началась распара, юг края обтаял, воду погнал и пошевелил лед на реке. Пошевелил, успокоился, в ночь заморозок ударил, поземка попорошила, мокрый снежок пробрасывает, все щели, трещины, забереги зеркальцем схватило, белой новиной прировняло, торосики при подвижке на стрежи выдавило, лед навострило, где и на острова да на бычки вытеснило, они гребешками беленькими да синенькими там-сям прострочились. Но лед все еще мат?р, и дорогу не всю еще сломало. На выносах желтеет дорога от раскисших конских шевяков. Вешки еловые обочь ее кой-где еще стоят, и берег другой ? вот он, рукой подать, чуть более версты. Там, на другом берегу, дом, полный немощного, в догляде нуждающегося люду, корова, куры, свинья, печь, хозяйство ? и всем правит Лилька, смысленная девка, да уж шатает ее от надсады. Зинку, вторую дочь, мобилизовали на военный завод. Как в паспортный возраст вошла, так и мобилизовали. И в колхозе вестей хороших ждут не дождутся насчет ссуды. Первый май надвигается, праздник как-никак и посевная, хлопот и забот

полон рот. А она, посыльная, на другом берегу, у Петруши-баканщика, у тихого бобыля в тепле и сытости прохлаждается. Правда, не без дела: перестириала ему все, печь выбелила, полы вымыла, избу обиходила и самого Петрушу подстригла, праздничный ему вид придала, рыбных пирогов и калачей настяпала. Он, Петруша, кум ее разлюбезный, возьми да полный мешок рыбы ей отвали ? она и вовсе заметалась: вот бы на тот берег, вот бы ребят рыбным пирогом и ушкой покормить, в доме своем праздник встретить... Анисей пустил их до середины. Петрушка шел впереди с пешней, дорогу бил остирем. Л?лька, держась за оглоблю саней, сторожко двигалась следом. За стрежью, ближе под правый, крутой берег, лед вроде бы и вовсе не шевеленый был, дорога нигде не поломата. Л?лька сказала: "Ну, слава богу, кажись, перевалили!" ? и велела Петруше возвращаться назад, сама села в сани и поскорее погнала коня к родному берегу. Ох, как плакал и каялся потом Петруша, уж лучше бы, говорит, вместе им загинуть... Разом волной верховской воды, где-то в хакасских горах, в саянских отрогах спертой затором, задрали и сломало лед на реке. Разом, на глазах у всей деревни поддело, подняло вверх коня в оглоблях и обрушило меж белых пластишин льда. Еще мелькнуло раз-другой на белом льду черненькое ? и тут же его стерло, смахнуло, как мошку, в ледяную бездну ? и нет у нашей л?льки ни могилы, ни креста..." Ивану Тихоновичу ничего этого не сообщали, чтоб не добивать с тылу, хватит того, что попадало спереду. И, лишь дождавшись победы, Лилька вместе с сельсоветскими сочинили письмо на имя командира части с просьбой отпустить с позиций отвоевавшегося, выполнившего свой долг бойца, который так нужен дома. Вот отчего долил свою головушку комбат, скрывал глаза от Ивана Заплатина, терзал лицо кулаками и не к душе пил из кружки горькую фронтовую разливуху... Почти сутки просидел Иван на берегу присмирелого, островами зеленоющущего, цветами яры и бечевки затопившего Енисея, все пытался понять: что же это такое? Ведь вон дезертир, сука, на берегу остался и поживает. Последышей всяких и фашистов столько поуцелело на войне со злом и злыми намерениями в душе, а л?лька, так много сделавшая добра и жившая только добром и опять же для добра, приняла этакую адскую смерть. Как постичь умом этот мир и деяющееся в нем осуществление? Почему козырной картой ходит и ходит смерть? Ходит и бьет, ходит и бьет... И кого бьет? В первую голову детей, женщин, молодых парней, и непременно выбирает тех, кто посветнее, посовестливее. Нет, он, Иван, не ищет справедливости. Какая уж там справедливость после того, что повидал на войне! Но понять, добраться до смысла ему так нужно, так необходимо, потому как всю бессмысленность смерти он не то чтобы осознал, но увидел ее воочию и не принял умом, не пустил в сердце. В нем все-все, что вложено в душу, заключено в теле, от волосинки и до последней кровинки, восстает, протестует и не устанет уж протестовать до конца дней против неестественной, против преждевременной смерти. Надо, чтобы человек проживал полностью свою жизнь. И человек, и птица, и зверь, и дерево, и цветок ? все-все чтоб отцветало, роняло семя, и только в продолжении жизни, в свершении назначенного природой дела и срока всему сущему и есть какой-то смысл. Иначе за что и зачем мучаться и жить? Так или примерно так думал о смысле жизни Иван Заплатин, недавний боец-минометчик, дважды раненный, проливший свою кровь на войне за нее, за жизнь. Подводил итог. И наперед всего ломал голову над тем, что ему самому лично теперь делать. Как жить? Бабушка Сысолятиха на пече лежит и, как прежде, кроет всех с высоты крепким складным словом. С выраженьями. Значит, еще долго протянет. Папа Константин так и не осознал своего долга ни перед домом, ни перед отечеством, жил и живет свободной веселой жизнью. Зинка, сестра, как попала на завод, приобрела там денежную профессию, отхватила мужа-выселенца, сотворила с ним детей, так и вестей не подает. Никаких! Даже к праздникам открыток не шлет. Брат Сергей пишет из инвалидки письма скачущими, что блохи, буквами, намекает насчет дома: мол, скоро сапожничать сможет и нахлебником никому не сделается. От Борьки и от Дарьи убогой помочи ждать не приходится. Игнахи-кормильца нету, и надежи ни на кого нету и не будет. Над всем и над всеми верховодит Лилька, и в глазах ее испуг, надсада иль надежда ? не поймешь. На сколько ее, той Лильки, хватит, пусть она и моторная, пусть и двужильная ? в матерь. А как сломается? Пришла на берег Лилька, села рядом с братом со старшим, коленчишки свои девчоночки, уголком подол поднявшие, обняла, подбородок на них положила, молчит, на Енисей смотрит, ресницами моргает. И так нахлынуло на Ивана, так к сердцу подкатило, что взял да и поцеловал он Лильку в голову, в разумную девчоночью головушку, в волосы мягкие поцеловал. От волосьев чистой водой, листом березовым пахнет. И сказал брат сестре: ? Пока я, Лилька, жив буду, долги тебе платить не устану. За всех за нас, за родных твоих. И вообще.. Лилька в ответ: ? Не выдумывай, Иван. Пойдем-ка домой. Праздник ведь наступил. Троица. Мамка больше всех любила этот праздник. И нас любила. И тебя любила и ждала. И еще кто-то ждет.. ? Так уж и ждет? ? Так и ждет. "Приходим домой, там компанья разлюли-малина. Бабушка Сысолятиха, к стене прислоненная, в подушках лепится. Рядом сынок ее ненаглядный, наш папуля

Костинтин, в чистой рубахе, дале Борька на скамейку водворен вместе с тележкой. И Танька Уфимцева тут. Персонально. Улыбается, глазьями строчит, но с лица опала и у рта морщины. Однако косыночка при ней, на шее, и все остальное при ней. На месте. Сели. Выпили. Гляжу, и Борька наш кэ-э-эк жахнет граненый стакан, налитый до ободка, и руку с тыльной стороны нюхает. Ну-ну печник! Настоящий! Вечером гуляли мы с моей зазнобой ? как ее теперь уж иначе-то назовешь? По берегу, по заветной тропочке, к Анисею да от Анисея, с суши к воде, от воды к суше. Гуляли, гуляли, гоняли ветками комаров, гоняли, я с намеком, с тонким: "А за тобой, Татьяна, должок!" Она без претензий: "Помню и не отказываюсь". Тут я ее и поцеловал. Она меня. Пробовал я ей платье мять ? гвардеец же! ? да нешибко мнется. Зазноба от такой приятной процедуры уклоняется, шустрый, говорит, ты стал, практику, видать, большую прошел. Я в обиду: "Кака практика? С минометной трубой, что ли?" Миловались мы недолго да и расстались скоро. Погуляли, позоревали, пора и за дело. Хозяйством надо править, работу подыскивать. Тут явись Петруша из-за реки. Остарел, говорит, я, Иван, остарел. Помощник мне нужон. На шесте да на веслах до верхнего бакана скребусь ? дух вон и кишки на телефон. В колхозишке, говорит, вам с Лилькой инвалидную свою команду не прокормить. На баканах паек хороший: рыба, орех, ягоды, охота, огород раскорчуешь, женишься ? все на старости лет и мне догляд какой-никакой будет. Подумали мы с Лилькой, подумали, и решено было подаваться мне в баканщики. Я к Таньке ? свататься. Она ? в смех: ? Ишь какой скорый! Погоди маленько, погуляй, похороводься, к невесте хорошенчье присмотрись. ? Ч? это она? ? спрашиваю у Лильки. Та же хитрая, спасу нет, глаза отводят: сам, мол, думай, решай, не мне, а тебе с человеком жить и судьбу вершить. Бабушка Сысолятиха за перегородкой на пече выступает: "У парня ? догадка, у девки ? смысл. Бабьему посту нет кресту. Оне, уфимцевские, отродясь мужиков по калиберу подбиравли, пристреляются сперъя. После уж под венец. В седьмом или осьмом колене брюхатые в мужчин дом являются. А на проходжей дороге трава не растет. Не-эт, не расте-о-от! Ч? те, девок нету? Бабов нету? Лишных жэншин, по радиве сказывали, в державе нонче не то шешнадцать, не то двадцать миллионов! Любу выбирай! Коли наши не глянутся, за реку отваливай ? сами в баканску будку по ягоды приплывут! Мы, бывалоча, на ягодах-то, на островах-то й-ех как ползуниху собирали! В смородиннике-то чад! Сплошной чад! Целовать в уста ? нету поста! Й-ех-ех-ха-ха!.. Мой-то Сысолятин лопоухай был, женихаться спохватился, а тамотка уж слабко. Робята не дремали! Рот полорот не д?ржи, Ванька, рви ягоду, покуль спела!.." Наша бабушка коли заведется да на любовну стезю попадет ? не переслушать. Поэзия! Однем словом, оказался я за рекой, у Петруши, на баканах. А там, должен я тебе сообщить, совсем не курорт, как думают мимо проплывающие товарищи-граждане. Там шесть баканов, две перевалки плюс Петрушино хозяйство, совсем запущенное, и сам Петруша в придачу ? на разнарядку ходит и за поясницу держится. Впрягся я в лямку в речную и попер советский речной транспорт вверх по фарватеру. Лилька, когда вырвется из Изагаша, по бабской линии что сладит, обиходит нас, да ведь и у самой дом на плечах. Помогать я им, правда, крепко помогал; продуктами, рыбешкой, мясишком, всем, что во дворе, в лесу и на пашне добыть способно. Тем временем друг за дружкой убрались в другой мир, в леса другие баушка Сысолятиха и Петруша-баканщик. Зато прибыл из инвалидки Серега, в командировку во временну, говорит, сам щенком смотрит, только что в ноги не тычется. Забрал я его к себе в баканску будку ? все живая душа в живом доме, да и Лильке полегче. С ним, с Серегой, незаметно втянулись мы в хозяйство наше ? он по дому, я во дворе да на реке, и это самое, от холостяцкой-то от вольности попивать начали. Ну, а где выпивка, там и женский пол. И как он к нам попадал, объяснить я тебе не сумею. И по льду попадал, и по снежным убродам, и по чистой воде, и по бурной, коренной, и со дна реки выныривал, ненароком в лесу заблудится какая, при стихийном ли бедствии, от грозы-молоны укроется, какая ? рыбки купить, какая ? ягод побрать, какая просто так, на огонек на вечерний. Иная день поживет, другой ? и уже пылит на развороте, кроет нас, что законная хозяйка. Серега, он все ж таки слабый был и ожениться опасался: не справлюсь, мол, со своими обязанностями и баба загуляет. Эвон оне какие, за войну-то боевые сделались, любого ротного старшину за подол заткнут. Ну а я в самом распаде, в самый гон вошел, так бы вот кого и забодал! Ни день, ни ночь мне нипочем... Лилька приплывет к нам, пошумит, поругает нас, поплачет ковды ? боится, спортился мы, избалуемся вконец, потом рукой махнет: "А-а, повеселитесь хоть вы, раз мне доли нету... Завоевали..." В деревне, в Изагаше-то, про все наши художества, конечно, все было известно да еще и с прибавлениями. Мое положение хуже губернаторского: невижу Таньку ? сердце рвет, увижу ? с души прет! Но я держу объект на прицеле и позицию не сдаю. Как по делу или в магазин поплыту в Изагаш, так мне обязательно на пути Танька встретится и обязательно я ее спрошу: ? Замуж за меня еще не надумала? ? Зачем тебе замуж, ? отвечает она, ? ковды нашего брата не то шестнадцать, не то двадцать миллионов

лиших? Хватит вам с братцем работы еще на много годов. ? Стало быть, мое сердце в тебе, а твое ? в камени. ? В камени, в камени. ? Ну смотри. Я ведь возьму да и оженюсь. ? Не оженишься! Я приворот знаю, ? смеется Танька, и глаза свои в щелки жмурит. ? Кому на ком жениться, тот для того и родится... Ишь ты как ловко да складно! ? злюсь я. Чисто Сысолятиха-бабушка валит. И про слова насчет калибра думаю. Чего-то, думаю, есть! В войну секрет, стало быть, и у ей завязался. Но куда сердце лежит, туда оно и бежит. Лильке ? кому же больше-то? ? изложил я свои душевые терзанья. Она пригорюнилась: ? дурак ты набитый! Дурак и не лечишься, ? качает головой. ? Ну ума нету ? пропили с Серегой ум-то, ? дак глаза-то есть? Она же, Танька-то, больная. В войну с лесозаготовок не вылезала, надорвалась. В сорок третьем гриппом переболела ? у нас год тот худой какой-то пал, косил и уродовал людей, будто потрава шла по лугу. Осложнение у нее на сердце после болезни получилось. Она обездолить тебя, оболтуса, не хочет, а ты кобелишься на виду у ей, чубом трясеешь, зубы скалишь... Легко ли ей этот твой джаз слышать и видеть? Вот и сестра я тебе, а взяла бы хороший дрын да дрыном бы тебя по башке-то дурной и кучерявой, что у барана... Вот так вот, паря, мне дали по рогам, и открылся секрет. Неладно. Нехорошо. Неправильно получилось у меня. И раньше нешибко грамотный да развитый был, а на войне совсем, видно, отупел, ожесточился. Я Лильку за бок ? не базлай и не психуй, говорю, а потолкай с Татьяной ладом, что ежели она ко мне всерьез, то и я к ней с сурьезными намерениями, с недостойным моим прошлым конечно, раз и навсегда! Р-ррублю чалку! Навигация закончится, бакана сыму, с огородом управлюсь, свинью заколю, марала, а то и двух завалю, рыбы наловлю ? мы и поженимся, справим свадьбу на весь Изагаш. Мне через Лильку ответ: "Пущай он потаскунек пекорчит с братцем своим, а мы, уфимцевские бабы, ревновиты, не привыкли ни с кем ложа делить, нам мужика, как мерина в хозяйство, незаезженного подавай! И нос у него огурцом висит. Семенным. Промеж круглых щек. И шеи нету. Только и красоты что кудрява голова. да под кудрями-то опилки. Ума и с наперсток не наберется..." А-ах та-ак! Сталыть, нос огурцом, ума наперсток не наскрести! Ну я те покажу, сколько у меня ума! Я те покажу! Будешь ты у меня, как положено старой деве, на том свете козлов пасти. Будешь!.. Я вот поеду в Даурск осенесь и учительшу с музыкальной школы высватаю либо телефонистку, да и продавщица от меня не отвернется из самого магазина "Хозтовары" ? была летось проплытом... Так бы я и сделал ? дураково дело не богато. Поворотил бы свою судьбу на другой ход, на другу ногу поставил, через перевалы бы ее утащил, в райцентр ? в министры бы не вышел по грамотешке своей, но в завхозишкы либо в замначальники снабжения какого-нибудь торгового объединения или другого блатного предприятия подрулил бы, и, глядишь, препроводили бы меня бесплатно лет эдак на десять дорогу Абакан-Тайшет строить. Да не лежало мне туда пути. Бог, как говорится, не сулил. Занемог совсем Серега. Слег братан мой и уж больше не спрятался, не осилил фронтовыхувечий. Напоследок наказал похоронить его рядом с Петрушкой, поскольку оба ? бобыли, постараться выдать замуж Лильку, чтоб она не загубила свою молодую жизнь из-за обормотов. Ежели самому приспеет ? брат изагашинскую, лучше всего Уфимцеву Таньку ? баба надежная, хоть и с диким характером, да на нас, Сысолятиных-Заплатиных, иную и не надо. Сломам. Закопали братана Серегу, инвалида войны, на родном на анисейском берегу, дерном травяным, под одно с Петрушиной, могилку покрыли. Отвели и девять и сорок поминальных дней ? как и положено у добрых людей. Сеструха сделала мне заявление: ? Все, Ваня! Больше я не могу. Погину я тут. Погину, засохну, сдохну. Забирай к себе Борьку заместо Сереги. Я целину поеду поднимать. И что ты, паря, думаешь? Подняла! Не сразу, конечно, не вдруг, девка с разбором, и голова у ней на плечах крепко сидит. На нефти подняла! И помог ей в этом хлопотном деле Алекса Богданович, белорус, больше центнеру весом. Я как увидел их первый раз, чуть мимо табуретки не сел! Как же, говорю, бедная Лилька, ты эдакого дредноута на плаву доржишь? А она: "Копна мышь не давит". Алекса в лад ей вторит: "Зато мышь усю копну источиц!".. Во пара да пар ? гусь да гагара! Мигом трех детей изладили, голубчики, и с нефти убегли в осущенные болота Белоруссии. Я у них в гостях бывал, в отпуску. Потеха! Лилька Алексу нефтью дразнит: "Бяологи... Поставили серец болота вышку и ждуць, когда нехць попрець! А яка нехць у болоци? Там же ж вода кругом! Я ж на болоци вырос, мяня ж не обмануць. Жруць государственную рублеуку да вино ? и уся тут нехць! Но уцей, уце-эй! Вышел на одзеро, стряльнул да ружжом як повел ? полобласка уцей. Я их на вяровку узdev, пока до дзяреуны пер ? плечо изувечиу, месяць мядвежим салом плечо уцюпраял да вином вылячивався...?" "Гэта ж жонка враць! Гэта ж жонка враць! да усяго нядзеля и лечивсь от уцей!" ? поправлял Алекса из Белоруссии Лильку из деревни Изагаш, любовно глядючи на свою сибирячку. Но это уж когда было-то! Когда уж все кругом налаживалось, восстановливалось после войны, жизнь входила в спокойную межень, вода в берега. А у меня все как-то не так, все ни к селу ни к городу, и баканская служба стала мне надоедать. Папуля Костинтин вместе с

Борькой, мне на мою короткую шею хомутом надетые, ? тоже. Я те забыл сказать, что ко мне вместе с Борькой и папуля Костинтин пожаловал. Больны оба и вроде как в возрасте подравнялись ? дети и дети малые, не понимают и понимать не хотят, что моя молодость на излете, что нянькой при них и кормильцем быть мне, считай что, ни к чему. Но ущербные люди ? оне в душе все ж таки злые, хоть и прикидываются бесхарактерными. И эти, как их, эгоисты. Добра не помнят и зла навроде как знать не хотят. И что получается? Погибаю в прислугах, в работниках, середь дремучей тайги. "Сплавлю обоих вас, забулдыг, сплавлю в город, в инвалидку". ? "А Бог! А совесть! А Лилька что скажет? Лилька к себе нас возьмет, в Белоруссию, вот тогда узнаешь..." "Й-ех, мать-перемать, зеленая роща! Эх, кто виноват ? жена или теща?" ? хватану и я стакашек-другой вместе с тятей да с братцем, выйду на берег, зареву на весь Анисей, чтоб в Изагаше слышно было: "Средь высоких хлебов затерялся небогатое наше село-о-о-о. Гор-ре го-о-орькое по свету шлялося и на нас невзнача-ай на-брело-о-о-о..." Шляться-то оно, конечно, шлялося, горе-то наше, да еще не набрело иль, считай что, не полностью выбрело из водяных темных пучин, но уж подобралось, уж руку протянуло, за горло взять изготовилось ? Анисеюшко, родимый батюшко, караулил и не дремал, чтоб выхватить остатки из жидких уже рядов Сысолятинской родовы. Во время сенокоса поплыли папуля Костинтин с Борькой ко мне на остров, обед, что ли, сварили да вздумали порадовать косаря, выслушаться. На шивере не справились с течением, унесло их к утесу, торнуло о камень и обернуло. Лодку наши, изагашинские, поймали, привели. Давай неводить, искать тятю с братцем всем населением. Не нашли. Через неделю их самих из ямины, из каменьев вытащило и на косу выбросило. Воронье над косой забаламутилось и указало упокойников ? нате, возьмите, боле оне родимому Анисею не нужные... Вот так вот, парень, потихоньку да помаленьку остался я на свете один-одинешенек и узнал, что есть настоящее горе. Уж пущай бы жили Костинтин с Борькой. Пущай бы пили, фулюганичиали, только чтоб не одному в голой избушке, кругом упокойниками обступленной... И начал я подумывать бросить баканскую службу, а то уж домохозяйкой сделался, уж моя корова бабам доить себя не дается, уж я знаю, сколько гребков до каждого бакана и толчков шестом до перевалок, уж мне рыбалка не в азарт и охота не в добычу, уж ко мне девки молоды по ягоды не плывут, все разведенки да вдовы горемышные, с которыми не столь удовольствия поимеешь, сколько горя наслушаешься, да и напьешься с него, с горя-то. Словом, мысля моя правилась к близкому ходу ? побродяжничать меня поманило. И стал бы я бичом отпетым ? никто и ничто меня на путе этом удержать не могло. Однако же легко сказка оказывается, да душа-то в берег родной вросла: поля мои, леса мои, река петлей вокруг горла обернулась, что кашне голубое. Куда я от Анисея-погубителя? Куда от последнего л?лькиного прибежища, от отца-материной недожитой жизни, от могил, от Борьки и Костининовой, от Сереги и Петрушиной, от тех же стариков Сысолятиных могил? Куда без этих гор высоких, без островов и бугорков, под которыми друзья-товарищи фронтовые, земляки зарыты? Кто их могилы дотгглядит? Кто в родительский день помянет и поплачет об них? Это уж нонешним молодым кочевникам наши привычки смешными кажутся и без надобности, но наша жизнь без родных могил ? что лодка без ветрил. Да и без земли, без бархатных лесов, без синих перевалов, за которыми все что-то хорошее мерещится. Сниться же, заразы, станут, как по юной глупости снились на войне. Все это в карман не положишь, с собой не унесешь... Нет, никуда мне от всего этого не деться и от Таньки нет мне хода. Она навроде и знать меня не знает, но сама из-за реки-то словно в бинокль видит не только чуб мой, но и мысли мои, за поведеньем моим ненормальным следит, намереня мои изучает и наперед их разгадывает. "У кого молитва да пост, а у нашего Ваньки ? бабий хвост!" ? талдычила покойница бабушка Сысолятиха, и правда что в самую точку. А там Лилька в письмах ноет: "Братка мой! Братка! Мне бы хоть одним глазком взглянуть на Анисеюшко да на горы и леса наши. Вижу их, во сне вижу. Мы в отпуск засобирались, да, пожалуй что, насовсем приедем. Алекса механиком может и болота осушать мастер". Совсем сеструха с памяти одернулась!.. Какие у нас болота? Чего осушать? Но не приехали оне, прособирались. Сперва решили детей подрастить и выучить, потом внуков поднять, да так незаметно и вросли, видать, в белорусскую землю. А на нас тем временем надвинулись грандиозные, как в газетках пишут, события. Наступила еще одна осень. Флот уходил на отстой. С реки снимали обстановку. Ко мне заплыло оклевавшее на реке руководство из басккомречка. Заплыло и заплыло. Начальство надо согревать. Закуска по ограде бегает, в воде плавает, в лесу растет, дрова казенны, тепло мое. Загуляли, запели гости с хозяином: "Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступа-а-ает". А раз последний и лед скоро ? надо на зиму рыбы наловить. Надо дак надо. Кто бы возражал, я не стану. Конец октября на дворе. У нас в осеннюю пору, перед ледоставом, в ближних протоках елец тучился. Стоит один к одному ? камешника не видать: думу ли думает, где и как зимовать удобнее, галечку ли мелкую берет, балластом себя загружает ? ко дну жаться,

меньше сил чтобы израсходовать на плаву. Елец в нашей местности был, что тебе турханская селедка, ? мягок, жирен, прогонист. В ночь бросили плавушки-сети. Проплыли одну протоку ? бочонок ельца взяли, ведер на пять. "Мало, ? говорят гости, ? зима долгая, с харчем туговато". Мало дак мало. Бросили еще. Увлеклися. И раз тебе на одной тоне черпнуло ленка, вкусной рыбки, мористым концом сети! Глаза на лоб! Лихорадка в пятки! А погодка! А погодка! Хуже не придумать. Снежище мокрый ? стеной. Кашу по воде несет. Руки отерпли, пальцами уж не владеем. Лодка леденеть начала. Запасу ? ладонь. "Ребята, ? говорю, ? надо бы домой". ? "Еще одну тоню. Только одну!.." На этой тоне, на последней-то, мы и опрокинулись. Ухватились за лодку, в рыбе плюхаемся. Орем. Чую, огрузать начал, сапоги резиновы до пахов, одежда по осени, не то чтобы и очень уж тяжелая, но все ж телогрейка, дождевик, исподнее. Ну, думаю, дождался и я своего часу-череду, укараулил и меня Анисеюшко. Давно он что-то об себе не напоминал, да вот, стало быть, не забыл, терпеливый он, не торопится, ему еще таких вот дураков, как я, учить не переучить, топить не перетопить. Ну, это я сейчас так планово мыслю, в ряд пляшу, тогда, поди-ка, и мысля скакала, и тело зыбалось, и я орал что есть мочи. Пока слышал себя, думал: "Кто блажит на реке так противно? Так одичало?" Скоро сил на крик не стало, сипеть начал молитву о спасении ? тонуть-то мне совсем неохота и сдаваться, пусть и родимому Анисею, нет желания, сдаваться я никем не приучен, на фронте думы о плене или о чем таком, чтоб шкуру спасти, ни разу в башку не влезало. Не помню, как дождевичишко с телогрейкой я стянул, сапог один спинал, другим в воде за борт опрокинутой лодки цепляюсь, чтоб сорвать и его. В тот момент мы на бакан на белый наплыли. Один из наших шасть на крестовину. Я ему: "Нельзя! Не можно! Крестовина за лето намокла, едва фонарь держит..." Пронесло нас. Лодка, было огрузшая под брюхами людей, тут килем вверх приподнялась. Я на лодку. Чую, булькается кто-то, хрюпит: "Спасите!" Я этого связчика выдернул на киль. Боле никого не слыхать. Стало быть, из четверых рыбаков осталось двое. Говорить либо кричать я уж не мог, но, лежа на брюхе, гребуся руками. Связчик, глядя на меня, тоже помогает. Коли нижний бакан был ? вот-вот избушка. Около нее пароходишко обстановочный остался, ближе подгребешь ? скорее услышат. С парохода и подняли нас, потом и тех двоих, наших товарищей, по реке собрали. Одного несло по стрежи, плащ у него был прорезиненный, распахнулся и не давал огрузнуть. Его прожектором осветили, думали ? коряга плывет. Но речники опытные на обстановочных судах робили, подплыть решили, посмотреть ? это, значит, выпало еще пожить человеку. А вот тому, что за бакан поймался, висел на нем, воды и тины наелся, судьба не сулила боле жизни. Он был вспыхах снят с бакана, брошен на корму пароходишка. Корма железна. И пока до будки пароходчики хлопались да чалились ? примерз к железу, бедолага, переохладился. В те поры, пока пароходишко по реке кружил, горе-рыбаков вылавливал, нас двух уж оттирали в избушке, грели и, как водится, от всей-то душеньки крыли на все корки. Свет я увидел уж к петухам. Раздирает, разваливает меня изнутри холодом. Ташите, показываю, за печку. Утащили. Там ведро помойное и рукомойник. Стал я на колени перед ведром... С отдыхом ? сил-то нету ? я то ведро до ободка нацедил. Сразу мне сделалось легче и теплее. На печку заволокли хозяина-ухаря, всем, что есть в избе, укрыли, но меня все одно качает, взбульянывает ? я все еще в воде. Вот опять куда-то понесло, завертело, закачало, опрокинуло... Очнулся оттого, что кто-то меня бьет. По морде. Да так больно! Что, думаю, такое? Зачем добавлять-то? Я и так эвон какую кару принял... Открываю глаза ? Танька Уфимцева хвощет меня со щеки на щеку: ? Паразит! Паразит проклятый! Чтоб ты сдох! Ослобонил меня... ? И всякое там разное бабье ругательство вперемешку с причитаньем валит. Танька прослышила про нашу погибель и решила, что я утонул. А как переплыла и увидела, что я живой, ? давай меня сперва отхаживать, потом понужать. Я ни гу-гу, не сопротивляюсь и виду не подаю, что мне больно. Танька била, била, била меня, выдохлась, глаза закатила. ? что вот мне с ним, с вражиной, делать? Куда деваться? ? И на грудь мне головой упала. ? Надо замуж выходить. Пропадет без меня... Я тут снова глаза закрыл, слушаю и думаю, что ума у меня и на самом деле с наперсток ? никакой я тактики не знаю, хотя и на фронте побывал. Гитлера уделал. Гвардеец.. Надо было мне давно попробовать утопиться или еще какой маневр утворить. Со мной с хворым Татьяна и осталась в баканской будке. Я нарочно недели две придуривался, с печи не слезал, не пил, не ел, все на милую глядел, короче, тактику все ж таки применил ? тактику одиночного бойца, находящегося в окружении: чтоб она за это время в хозяйство вошла, баканское имущество по описи на зиму приняла, к домашней лямке прикипела, чтоб ей некуда деваться сделалось. Надо соответствовать своему назначению ? спасать человека, и вся тут задача. Ведь она, наша русская баба, что есть? Ей внуши, но лучше пускай она сама себе в голову побьет, что, допустим, в казенну баню она идет не просто так, а смывать с общества грязь, обчищать его от скверны, ? дак она тебе баню своротит, а уж замуж оне у нас, голубушки, сплошь не просто так идут, все с

высоким смыслом ? человека спасать, и в горячке патриотизмы запросто могут его задушить. В объятьях! "Коня на скаку остановит, медведя живьем обдерет!" ? Говаривали братья-минометчики про наших замечательных женщин. А они, минометчики, как стреляют, так и говорят ? всегда в точку. И вот достигнуто желанье! Наступил предел моей холостой жизни ? разлучить нас с Татьяной теперь только заступу да сырой земле. Не так бы скоро, конечно, как вышло, да у всякого свой срок во всем назначен, не нами назначен. Вон люди, которые ни сахар, ни соль не едят, бегом бегают по девять верст, а придет срок, кувырк ? и нету... да-а... Скоро и понесла моя Татьяна. Все наветы покойной Сысолятине Шоптоницы насчет нестойкости уфимцевской родовы, не в пример мне, она отмела, хоть и на лесозаготовках мыкалась середь мужичья, пусть и нестроевого, в селе Изагашолжизни колотилась, где строгость нравов не особо соблюдалась. Шибко, ох шибко страдала и ревновала она меня к прошлому, да и к настоящему тоже, раз я такой порченый, считала, удержу на меня нету ? всякий закон, стыд и бог такому моральному уроду до порогу. На следующий год после того как свела нас судьба, средь теплого лета, в самое цветенье, как раз о ту же пору, когда я с войны вернулся, родила Татьяна сыночка. Назвали его в честь хозяина нашего прибежища Петрушей. Просил покойник, чтоб, ежели я оженюсь, его именем первенца назвать, поскольку сам он прожил жизнь бобылем, пусть хоть в чужих детях именем своим продолжится... Петруша родился слабеньkim. При родах Татьяна едва не померла. Боле ей рожать не велели, опасно, сказали, для жизни. Но Татьяне хотелось еще девочку. И мне хотелось. Попробовала она родить девочку. Умер ребенок при родах. Татьяна серой тенью из Даурска явилась домой, за стекни держалась. "Что ты не женился на другой, ? плакала она, ? зачем я тебе? В деревне баба здоровая нужна..." Будто в городе баба нездоровая нужна! Городит тоже. А мне какую судьба определила или Бог послал, с той и вековать, ту любить и жалеть. Полюби-ка нас вчерне, говорится в народе, а вкрасне всяк полюбит. Природа у нас суровая, да здоровая. Оклемалась Татьяна. Орезвел Петруша, весельем в отца удася, ласковым в маму. Уж мы его любили. Уж мы его нежили. Да и баловали, что там скрывать. Как во школу приспела пора Петруше, мы ради него в Изагаш переехали, бакана оставили. Я в мехмастерские поступил. Татьяна на почту устроилась. Жи-ы-ыве-ем! Тем временем покатился слух по верхнему Анисею ? затоплять будут. Я газетки почитывал маленько да радио слушал, оттуль и узнал, что выше Красноярска строится гидростанция и что, конечно же, затопляться что-то будет, но до нас, поди-ка, дело не дойдет ? восемьдесят, считай, верст от плотины будем, на сухе останемся. ? да что ты, папа! ? мне Петруша с гордостью. ? Это же не простая гидростанция! Самая мощная в мире! И она не восемьдесят, а все шестьсот километров захватит, может, и тысячу! Ликует Петруша, а я думаю: эко хватил малец ? шестьсот верст! Это сколько же надо земель, лесов свести и затопить, лучших земель, лучших угодий, сел, городов и леспромхозов, народу сколько с места согнать... Слух слухом, а нюх нюхом. Волнуется народишко по берегам великой реки, тревожится. Переселять будут. Точно. Уже и страховку за строения начали выплачивать, уже и ссуды на новожительство выдают, но вот поговорить с народом, объяснить ему, что к чему, ? никому в голову не приходит. Татьяна моя смолкла, соображает. Я матерюсь, когда Петруши дома нету. Народ помаленьку начинает сыматься с мест, распыляться. Татьяна в отпуск засобиралась в Красноярск, к родной своей сестре Зинке. Приезжает и говорит: ? Ваня, давай подниматься с Изагашу. Ему скоро под воду. Ты уж под водой бывал. Ничего там хорошего нету. Сам видал. Я дом сторговала в деревне, около города. Петруша десятилетку закончит, в институт ездить близенько. Он у нас, сам знаешь, какой богатырь, ему догляд нужен и питанье хорошее. При доме огород большущий. Я как узнал, что деревня та близ гидростанции, заорал: ? Значит, на съеденье гидре! Она, значит, нас заглатывает, а мы сами, считай что, сами в пасть ей лезем! Татьяна мне: ? И чего такого? Там народу тучи, изагашинских встречала. Не глупее оне нас с тобою. Кто с бабой спорит, тот назьма не стоит, учила наша бывшая наставница бабушка Сысолятине. И я спорить не стал. Перетрясли, отстроились, обжились. Я сперва на гидре бетономешалкой командовал, потом, когда гидра загремела и реку перемалывать начала, на деревообделочный наш заводишко, в столярный цех механиком пошел, да там до пенсии и доработал. Фото мое с доски почета не сходило, и сейчас, когда попросят пособить, ? не отказываюсь, иду в кочегарку либо бруски пилить на дверные блоки и рамы. Таня работала опять на почте. Да недолго. По болезни на пенсию ее отправили. В огороде копалась, дом обижаживала, Петрушу в институт снаряжала. Как и многие тихие, бессловесные люди, он у нас головастый оказался, в науке хорошо преуспел, и при Политехническом институте его оставили в какой-то аспирантуре. И вот тут-то, в аспирантуре, он и попал в лапы той выdry, воровки проще. Она в их институте завстоловой работала, ну, прикорнила его, видать, или опоила чем ? иначе где бы ему чего смигитить? Самому, бывало, и титьку мамкину не найти. А тут эвон какую золотую самородку

откопал. А в изагашинских местах я, паря, не бываю. После затопления раз один на рыббалку съездил ? ничего не узнал, нет местности родной. Топил, топил Анисей нашего брата, теперь самого утопили, широкой лужей сделали, хламьем, как дохлую падаль, забросали. Толстой водой покрылось речное приволье. Где было наше с Татьяной прибежище и Петруша где по яру бегал, травку пяточками мял, на бережку песок месил и домики строил из глины да лепешки стряпал ? ни глазом, ни памятью я найти не мог. А бакана теперь ? автоматы-мигалки старое русло реденько означают, народ другой живет, на других, малородных берегах, все боле переселенец. Наши на месте не удержались, кому уж помирать пора подходила, кому сниматься сил нету, те в косогоры поднялись. На старых пашнях березники взошли, берега моет, землю рушит, камень оголяет, в ранах вся тайга и земля по Анисею; скотом и бурями берега размешаны, в воду пущены. И пускай там другие люди живут, оне не тут родились, светлого Анисея, тем боле голубого, не видели, у меня же там ? ни жить, ни стоялу воду пить нету желанья. Моя родина, мой берег и могилы родительские, л?лькина, Петрушина, Серегина, Борькина, Костинтинова, стариков Сысолятиных, того горемычного товарища, что со мной рыбу имал и которого не откачали, ? на дне глубоком. Тышы могил, тышы крестов и обелисков, за три столетия Изагаша накопившихся, ? под водой. Што прах переносили со дна будущего затопленья, так то видимость одна. Знаем по опыту вековому: кто в мор нажрется, в войну належится, тому уж все нипочем ? ни могилы, ни кресты, ни вера наша, ни земля отцова. Люди, горлом и лжой живущие, бездельники всех мастей завсегда были сорняком на крестьянском огороде, пухом осота летали над нашими головами, и хоть имя порой удавалось укорениться, загадить нашу землю, все-шки хоть и уставали мы, но выдирили всякую нечисть с корнем, сдували с себя семя сорное, липучее... Мы на земле своей, на изагашинской земле, из поколенья в поколенье жили и работали, нам ее жалко, да и боязно делается, как подумаешь, что за люди без земли, без своего бережка, без покоса, без лесной делянки, без зеленої полянки, на сером бетоне вырастут. Что у их в душе поселится? Казенная стена? Какое дело они справлять станут? Кого любить? Кого жалеть? Чего помнить?"

Мы с Иваном Тихоновичем одногодки, оба фронтовики, и рассказ его не зря был доверен мне. Я чего не понял, то почувствовал, проникшись его благодарной печалью, от чувств, нас обоих пронзивших, да, наверное, и сроднивших, прочел ему любимые стихи: Мир детства моего на дне морском исчез... Где петухи скликались на рассвете, Где зрела рожь, синел далекий лес, Теперь в воде сквозят рыбачьи сети. Ты грустным взглядом в глубину глядишь Без горьких сожалений и обиды: Там чудится тебе солома крыш Уснувшей деревенской Атлантиды. Крепчает ветер. Между черных свай Вскипает пены белоснежной ваты... Спи, Атлантида. Спи и не всплыvай. Тому, что затонуло, нет возврата. Иван Тихонович сидел, опервшись о скамейку, не отрываясь глядел в заенисейское горное заречье, в земные пространства остановившимся взглядом. Не отпускаясь от скамейки, о плечо, об выношенную телогрейку вытер лицо ? так вот на фронте во время земляной работы мы вытирали пот, чтоб не обляпать лицо грязными руками. ? Это кто же так проникся? ? тихо спросил он. ? Тот самый поэт, что написал в войну для нас "Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза". ? Фамилия его какая? Запомнить хочу. ? Алексей Сурков. ? Живой еще или помер? ? Помер. Недавно. Иван Тихонович, что-то в себе заломав, упрятав подальше, вздохнул протяжно: ? уходят бойцы фронта боевого и трудового. Покидают земные пределы последние их колонны. И хоть не в согласии, но все ж в мире оставляем землю детям нашим. Как-то оне сберегут, сохранят такой кровью, такой мукой добытое... Долго мы молчали, не шевелились. ? Вот скажи ты, что дадено человеку, а? ? не меняя начального тона, все еще находясь в воспоминаниях, продолжал Иван Тихонович. ? С одной стороны, поджигателям войны неймется опять все порушить, передавить, изуродовать, с другой ? взять, что во мне, скажем, на самом дне лежало, песком, землей, прахом замытое, все это из тьмы кромешной, из хаоса золотинкой добыть, чтобы жизнь высветлить... Вот сколь давно живу, а постичь этого не умею. Клавочки наша... Ну ни единого у нас плясuna в родове, петь певали ? голосистые были, но по танцам ? что медведи. А она вон по какой линии приударила! Уж какая из нее танцовка будет ? Бог весть, но деда и всех людей любит ? это в ней есть, это точно! Это от изагашинских корней сок в нее просочился... В пятницу с самого утра дневалит Иван Тихонович возле ворот ? ждет внучку Клавочку из города. Чует он ее, еще не увидев, узнает средь всего народу, с электрички идущего, хотя и "сяло", как он говорит, у него зрение. Внучка еще задаль машет ему рукой, будто комаров над головой разгоняет. Беленькая, стройненькая, ноги у нее ? носки врозь, пятки вместе, будто у парадного, вымуштрованного солдатика, наростопырку ходит, руки длиннопалые кренделем держит, не сутулится и ничего тяжелого не поднимает, лишку не ест, не пьет, картошки не садит, дров не носит, назьму не убирает. Да дедушка и не заставляет ее тяжелую работу делать, слава богу, сам еще в силах. Петруша умер, когда Клавочка училась во втором классе, мамулю загребли в тюрьму через

Астафьев Виктор Жизнь прожить [stafevvictor.ru](http://astafevvictor.ru)

два года после смерти мужа. Не одну, целую банду из общепита заневодили, будто табун зубатки в мутном половодье. Все золото с ворья содрали, машины и дачи отняли, барабанчишко в скопку свезли. Попировали! Хватит! А время бежит, бежит. Клавочка "Лебедей" для выпускного спектакля репетирует, пока еще маленьких, пока еще артельно. Как-то ударила по деревенскому радио музыка ? и пошла Клавочка колена выделывать, ? у деда и рот настежь ? эко диво! Откуда ч? и берется? Сигает по избе от стены до стены, двор единым прыжком берет. Но недавно пожаловалась деду: на сольную партию не тянет, нет, сказали, данных у нее и опыта. да как это нету, как это нету, когда вон чего вытворят человек! Козлом горным скакет и кости не переламывает. Блату нету, вот что. Сяла та выдра кабацкая в тюрьму не ко времени. Дала бы девке образование закончить хоре... хоре... ? не с первого раза, с раскачки берет мудреное слово дед ? хо-ре-огра-фи-чес-кое, в соло бы ее вывела, в театр определила, в самое Москву ? тогда бы и садись на здоровье... А-а, да хрен с ним, с солом, продолжает размышления Иван Тихонович. На хлеб, на сахаришко и без соли добудем; для свадебной сряды иль на завитушки какие, так он ей половину пенсии отвалит, надо, дак и всю высадит, дом продаст, на картошках сидеть будет, но чтобы все у внучки, как у современных молодых людей, чтоб досыта пито-едено, чтоб хоть платье, как у той, у выдры кабацкой, вилор называется, хоть джинсы, хоть картуз с длинным козырьком, хоть туфельки на морковках, хоть магнитофон, пусть недорогой, ? надо дак... ? дедуля, здра-астуй! ? доносится до Ивана Тихоновича, и на него, распластав крылья, с кожаной, словно у давнего изагашинского почтаря, сумкой через плечо, набитой всякой женской мелочью, харчишками из училищного буфета на выходной, с безделушкой, подарком дедушке, летит легкая юная внучка. И то, что Клавочка, как в малолетстве, от торопливости ли, а дед считал ? от волнения встречи, сглатывала в слове "здравствуй" буквы, ввергало деда в какое-то глупое беспамятство, когда все вроде видишь, слышишь и помнишь, но земли под ногами нету, да и сами ноги вроде как не твои. Прижал Клавочку руками ко все еще не запавшей груди, Иван Тихонович долго не выпускает ее, будто не верит, что вот она, девонька его родимая, взяла и прилетела к нему и никуда-никуда не улетит от него. И всякий раз при встрече с внучкой с уже отдаленным, привычным горем коротко, неслышно вздохнет Иван Тихонович: "Вот бы бабушка-то жива была! Радости-то, радости-то бы..." ? это чтоб и на том свете Татьяна Финогеновна не подумала, что он всю любовь внучки присвоил себе и забыл о ней. И тут же сжимается нутром от неожиданно вернувшейся, неотвязной догадки: "И я вот тоже скоро... небось скоро... Зачем? Как же мы друг без дружки-то?.." ...Жизнь прожить ? что море переплыть. 1985

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!